

2. Пинская М.В. Контент-анализ интернет-коммуникации вузов Краснодарского края как фактора развития региональной культуры профессиональной самореализации студентов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3.

3. Университеты, академии, институты // Федеральный образовательный портал Российское образование 2002-2016. URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.4/index.php>

References

1. Pinskaja M.V. Internet communication students in the aspect of development of cooperation in the fields of education, science and culture // The cultural life of the South of Russia: past, present, and future. Krasnodar, 2016.

2. Pinskaja M.V. Content analysis of internet communication of Krasnodar region of universities as a factor in the development of regional culture of professional self-realization of students // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennyye nauki. 2015. № 3.

3. University, akademii, instituty [Universities, academies, institutes] // Federal'nyj obrazovatel'nyj portal Rossijskoe obrazovanie [Federal educational portal Russian Education] 2002-2016. URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.4/index.php>

УДК 008:392.16

Е.Н. СУВОРКИНА

КОНЦЕПТ ЗУБЫ В КУЛЬТУРНОМ ТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Суворкина Елена Николаевна, кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации научной библиотеки Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, ул. Свободы, 46), suvorkina@list.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются *зубы* как культурный код в культурном тексте городской субкультуры детства. Важным условием продуктивного исследования является обращение к анализу концепта *зуб* в восточнославянской картине мира. Исследуются некоторые игры в синтезе с сатирическими стихами (жанром детского фольклора), обозначающими факт страха зубной боли, а затем высмеивающими его.

Ключевые слова: субкультура детства, ребенок, культурный код, зуб, детский фольклор.

UDC 008:392.16

E.N. SUVORKINA

CONCEPT *TEETH* OF CULTURALLY TEXT OF CITY CHILDHOOD SUBCULTURE (HISTORICAL ASPECT)

Suvorkina Elena Nikolaevna, PhD (cultural studies), section head of the scientific library of systematization of Ryazan state university named after S.A. Esenin (Ryazan, Svobody str., 46), suvorkina@list.ru

Abstract. The article deals with the *teeth* as a cultural code of childhood subculture. An important condition for productive research is to appeal to the analysis of the *tooth* in the East Slavic world view. Explores some of the game in the synthesis of a satiric poetry (the genre of children's folklore), denoting the fact that fear of dental pain, and then ridiculing it.

Keywords: subculture of childhood, child, cultural code, tooth, children's folklore.

Зубы, волосы, ногти – части человеческого тела, наделенные, по поверьям многих народов, сакральной силой. Этот мотив прослеживается в устном народном творчестве. Например, часто встречается сюжет, в котором волосы обладают волшебной силой,

которая теряется в случае пострижения. Примечательно, что это правило действует и в отношении животных, например, гривы богатырского коня. В.Я. Пропп пишет, что приобретение какой-то части представителя фауны дает власть над ним. Такой мотив присутствует в сказках, когда антропоморфное животное (часто в благодарность за спасенную жизнь) дарит герою вещь, способную призвать его в необходимый, критический момент [7, с. 192-193]. Особое восприятие волос прослеживается и в христианской культуре. Так, женщины обязаны покрывать голову при входе в храм независимо от возраста, – маленькие девочки также должны следовать этому правилу.

Но в настоящей статье речь пойдет о другом сакральном предмете – зубах, несущих также большую смысловую нагрузку помимо функциональной.

Зуб связан с понятием жизненной силы. Наличие всех зубов в хорошем состоянии являлось свидетельством здоровья их обладателя. Руководствуясь этим правилом, подбিরали рабов, слуг, а также лошадей. До сих пор бытует поговорка «Дареному коню в зубы не смотрят», означающая, что к подаренному предмету не следует предъявлять высокие требования.

Особое значение зубы имеют в субкультуре детства. На так называемый первый зубок (момент прорезывания первого зуба у ребенка) принято дарить серебряную ложечку. В ряде случаев такой подарок может преподнести только крестная мать. Существует мнение, что эта традиция есть некий аналог даров волхвов (золото, ладан и смирна) родившемуся Христу. Интересный пример обряда у болгар, связанный с серебром, приводит В.В. Усачева: мать постукивает по зубу серебряной монеткой с пожеланиями белизны и крепости зубу, как у серебра [9, с. 359].

У славян существовал обширный ритуальный комплекс, призванный способствовать хорошему росту красивых, крепких зубов. Примечательно, что он начинал функционировать еще до рождения ребенка, в период беременности. Матери предписывалась целая система запретов. В частности, как указывает В.В. Усачева, родительница не должна была удалять у себя зуб, есть овечью голову (сербы, словаки). В день крещения и до момента появления первого зуба также необходимо было соблюдать определенные правила [9, с. 359].

В целом считалось, что актуально и по настоящее время, ребенку обязательно нужно было что-то подарить на первый зубок. По поверьям в Волгоградской области, согласно данным Г.М. Науменко, это обеспечивало дальнейшую крепость зубов [5, с. 172].

Г.М. Науменко, ссылаясь на сведения информаторов (Владимирская область), пишет, что на первый зубок пекли угощение для всей семьи – пирог, который назывался «зубок». А тот, кто первым и увидел зубок, покупал ребенку белый материал на рубашечку. В Архангельской области гости приносили сладости, а младенцу дарили поясок для рубахи. В Краснодарском крае радовали родителей девочки отрезом на платье для нее, а мальчика – деньгами [5, с. 172-173].

Обязательной составляющей были и приговоры, как элемент материнского и одновременно обрядового фольклора. В частности, пожелания роста и крепости как у дуба, различных животных – волка, мышки пр. Дуб часто встречается и в заговорах от зубной боли. Т.А. Агапкина объясняет данный факт тем, что это дерево выступает символом крепости, здоровья, зубы постоянно с ним сравнивались [1, с. 467].

Но не только крепких зубов желали ребенку. Обрядовая практика ряда народов, согласно данным В.В. Усачевой, была направлена на обеспечение роста белых (сербы), мелких (болгары), частых (поляки, хорваты) зубов и пр. [9, с. 359]. Дополнялась она и системой действий, призванных способствовать безболезненному, легкому росту. Посредством обращения к мышке с определенной вербальной формулой «деревянный» (молочный) зуб «выменивался» у нее на постоянный.

У других народов эту функцию выполняет Зубная фея, причем за отданный ей молочный зуб она дарит монетку.

Появление молочных зубов, а затем начало их выпадения, полная смена на постоянные становились знаками взросления, проведения обряда инициации. В частности, в

Индонезии балийцы подпиливают шесть передних зубов как способ избавления от шести главных демонов – отрицательных качеств человека.

Если наличие зубов – символ жизненной силы, то их отсутствие – признак старости, плохого самочувствия и пр. Так, у Бабы Яги, известного славянского сказочного персонажа, зубы почти отсутствуют. На практике к ведуньям в этом отношении предъявлялись серьезные требования. Т.С. Курец, собирая и систематизируя русские заговоры Карелии, указывает, что они только тогда будут действенны, когда сказаны «от души» и внятно, четко, точно, что возможно при наличии всех зубов у исполнителя [8, с. 25].

В субкультуре детства конца XX века можно было услышать следующий образец детского стихотворно-игрового творчества: «Зубы-зубы, зубы-зубы, // Зубы надо полечить, // – А я боюсь (*три хлопка*). // – А ты не бойся (*три хлопка*). // – А я умру (*три хлопка*). // – Не беспокойся (*три хлопка*)». Его можно определить, как стихотворный приговор или считалку (вид словесной игры). Встречается следующий вариант оптимистичного завершения: «В кабинете у врача будет нам не страшно».

Обнаруживается и такая дополнительная концовка: «Мы гроб закажем // И вместе ляжем», что является оправданным логичным завершением для садистского стихотворения как жанра детского школьного фольклора, согласно классификации, принятой Ф.С. Каплицей и Т.М. Колядич [3].

Такие образцы детского фольклора как элемента обыденного уровня субкультуры детства характерны для 1970-1980-х гг. В 1990-е годы конец считалки снова претерпел изменение: «Закажем гроб // И ляжем вместе. // Прими диrol — // И зуб на месте». Жевательная резинка «Dirol» вошла в культуру повседневности России именно в 1990-е годы, о чем свидетельствует словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1990-х годов XX века «Новые слова и значения» [6, с. 517].

Как можно видеть, текстовая вариативность одного образца приводит к изменению и жанровой принадлежности.

Не исключено, что в его основе лежит заговор от зубной боли, который, как отживший элемент специализированного уровня субкультуры детства, был переработан детьми в соответствии с их нуждами. Данное предположение требует тщательного анализа.

Т.А. Агапкина выделяет четыре типа сюжета восточнославянских лечебных заговоров от зубной боли и две стратегии (отрицание боли и обмен) [1, с. 454–484], которые никаким образом не соотносятся с рассматриваемым образцом детской практики. Даже сакральное действие мены в данном случае в нем не используется. Из чего следует заключить, что это в большей мере так называемая садистская история.

В процессе поиска были обнаружены и другие варианты этого фольклорного образца: «Зубы-зубы, зубы-зубы, // Зубы надо полечить, // – А я боюсь. // – А ты не бойся. // – А я умру. // – Не беспокойся! // Первый выбила мне мама, // Второй выбила сестра, // Третий выбил мне вожатый, // А четвертый я сама. // Это было в воскресенье, // Двадцать пятого числа, // Немцы прыгали с балкона, // Со второго этажа. // Первый прыгнул неудачно, // Второй голову сломал. // Третий прыгнул на Наташку // И ее поцеловал (*Закрывать рот руками*), // А Наташка не стерпела – // Кочергой его огрела (*Закрывать голову руками*). // А четвертый под конец // Показал ей огурец».

Сюжет и построение свидетельствует о том, что данный пример относится к садистским стихам с игровым началом.

С.Б. Борисов, который обозначает его как «речитатив, сопровождающий игры», приводит аналогичный вариант текста [2, с. 446-447].

Возможно предположить, что в основе «истории» реальная зубная боль, знакомая всем детям; страх лечения, который был обыгран. И этот смех выступил очищением, катарсисом.

Определенным аналогом образца «Зубы-зубы...» выступает «Дюба-дюба». В некоторых случаях встречается практически идентичный текстовый компонент.

Тема зуба обнаруживается и в клятвенной формуле, которая имеет место во всех возрастных субкультурах – «зуб даю». Такое заверение основывается на обращении к

одному из важнейших атрибутов жизненной силы человека. Обещание отдать зуб, часть своей силы, есть веский аргумент в доказательстве правдивости сообщаемой информации; обещание что-то выполнить.

Здесь можно провести аналогию с практикой отгадывания загадок у адыгов. В прошлом, как пишет З.Ж. Кудева, за невозможность назвать отгадку закладывали селение, поэтому в переводе с кабардинского языка на русский «загадка» – «унесение селения». Это сопровождалось произнесением определенной вербальной формулы и однократного лизания ногтя большого пальца руки, после чего результаты игры не могли быть опровергнуты и признаны недействительными, а приобретенное селение отнято [4, с. 162-167]. Ноготь, как и зуб, выступает сакральным предметом, наделенным силой считать клятву, решение – правым, верным, конечным.

В 1980-е годы в детских летних лагерях, санаториях среди детей также существовала традиция мазать спящего ребенка зубной пастой. Часто жертвой становился ребенок, не способный постоять за себя. Действо было призвано «пометить» слабого члена детского сообщества. Но в ряде случаев это являлось развлечением, забавой, без преследования подобной цели.

Руководствуясь тем, что появление и смена зубов выступают некими границами определенных периодов жизни, принимая во внимание значимость обозначенных событий для жизни ребенка, в психологии была предложена и возрастная периодизация, основанная именно на этом принципе. П.П. Блонский выделил по степени окостенения скелета беззубое, молочное-зубое и постояннозубое детство [10, с. 43].

Таким образом, для достоверного исследования культурного кода зуба в субкультуре детства необходимым условием является обращение к опыту славянского языкознания. Ряд современных детских игр, образцов детского фольклора имеют в своем основании переработанную практику специализированного уровня, в частности заговоры.

Литература

1. *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010. 824 с.
2. *Борисов С.Б.* Русское детство XIX-XX вв.: культурно-антропологический словарь: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2012. 832 с.
3. *Капица Ф.С., Колядич Т.М.* Русский детский фольклор. М., 2002. 320 с.
4. *Кудева З.Ж.* Загадки в традиционной культуре адыгов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Сер. Педагогика. Психология. Филология. 2016. №3. С. 162–167.
5. *Науменко Г.М.* Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов. М., 2013. 368 с.
6. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. Т. 1. СПб., 2009. 815 с.
7. *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 365 с.
8. Русские заговоры Карелии. Петрозаводск, 2000. 276 с.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М., 1999. 697 с.
10. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М., 1989. 554 с.

References

1. *Agapkina T.A.* Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Siuzhetika i obraz mira [East Slavic conspiracies treatment in the comparative light. Plot structure and image of the world]. Moscow, 2010. 824 p.
2. *Borisov S.B.* Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologicheskii slovar' [Russian childhood XIX-XX centuries: cultural anthropology dictionary]: in 2 v. V. 1. Saint Petersburg, 2012. 832 p.
3. *Kapitsa F.S., Koliadich T.M.* Russkii detskii fol'klor [Russian children's folklore]. Moscow, 2002. 320 p.
4. *Kudava Z.Zh.* Riddles in the traditional culture of the Circassians // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia. Ser. Pedagogika. Psikhologija. Filologija. 2016. №3. Pp. 162-167.

5. Naumenko G.M. Etnografiya detstva: sbornik fol'klornykh i etnograficheskikh materialov [Ethnography of childhood: a collection of folklore and ethnographic materials]. Moscow, 2013. 368 p.

6. Novye slova i znachenii: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka [New words and meanings: dictionary based on materials of press and literature of 90th of XX century: in 2 v.]. V. 1. Saint Petersburg, 2009. 815 p.

7. Propp V.Ia. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, Publisher Leningrad University, 1986. 365 p.

8. Russkie zagovory Karelii [Russian Karelia plots]. Petrozavodsk, 2000. 276 p.

9. Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheski slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]: in 5 v. V. 2. Moscow, 1999. 697 p.

10. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow, 1989. 554 p.

УДК 008:398.21

Е.Н. СУВОРКИНА

**ЭРЗАЦ-ОТНОШЕНИЯ В СУБКУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА
(РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ) В ВЕЛИКОРУССКИХ СКАЗКАХ
В ЗАПИСЯХ И.А. ХУДЯКОВА**

Суворкина Елена Николаевна, кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации научной библиотеки Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, ул. Свободы, 46), suvorkina@list.ru.

Аннотация. В статье ставится цель в соответствии с выделенными автором моделями эрзац-отношений в субкультуре детства в контексте родственных связей (мачеха (эрзац-мать); отчим (эрзац-отец); эрзац-родители; эрзац-бабушка / дедушка; суррогатное материнство) проанализировать сказки, записанные выдающимся фольклористом И.А. Худяковым.

Ключевые слова: эрзац-отношения, субкультура детства, ребенок, фольклор, сказка, И.А. Худяков, эрзац-мать, мачеха, эрзац-отец, отчим, эрзац-родители, падчерица.

UDC 008:398.21

E.N. SUVORKINA

**PSEUDO-RELATIONSHIPS IN THE SUBCULTURE OF CHILDHOOD
(FAMILY TIES) IN THE GREAT TALES IN THE BOOK BY I.A. KHUDYAKOV**

Suvorkina Elena Nikolaevna, PhD (cultural studies), section head of the scientific library of systematization of Ryazan state university named after S.A. Esenin (Ryazan, Svobody str., 46), suvorkina@list.ru

Abstract. In this article the aim is in accordance with the selected author models ersatz relationships in childhood subculture in the context of family relations (stepmother (ersatz mother), stepfather (ersatz father); ersatz parents; ersatz grandmother / grandfather, surrogacy) analyze tales recorded outstanding folklorist I.A. Khudyakov.

Keywords: ersatz relationships, subculture of childhood, child, folk, fairy tale, I.A. Khudyakov, ersatz mother, stepmother, ersatz father, stepfather, ersatz parents, step-daughter.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению специфических моделей отношений в субкультуре детства, необходимо, во-первых, охарактеризовать феномен эрзац-отношений, а во-вторых, исследовать личность И.А. Худякова и его деятельность.